

МИХАИЛ КРАСНОВ

КЛЮЧЕВЫЕ ВОПРОСЫ — ОТВЕТЫ

Всемирно-исторический транзит от авторитарных, цезаристских, партийных режимов к демократии во второй половине XX века — переходящая концепция времени или отражение определенной реальности?

Социальные и экономические успехи демократических стран кардинально изменили отношение к демократии, и весь XX век ее география расширялась по экспоненте. По подсчетам Роберта Даля (1999), в 1900–1909 гг. существовало всего 8 демократических стран (17% всех государств), в 1940–1949 гг. — 25 (33%), а по состоянию на 1994–1997 гг. — уже 86 (45%)¹.

Но почему демократия стала притягательной для множества людей? Ведь они ценят вовсе не народный суверенитет. И не всеобщее избирательное право. И не политическую конкуренцию, позволяющую менять элиты. И даже свобода, связываемая с демократией, ценится лишь меньшинством. Демократия в массовом сознании совершенно разных обществ ассоциируется главным образом с правовой *защитой личного достоинства*, с правовой реакцией на полицейский или чиновничий произвол, с экономическим процветанием, которое достигается опять же прежде всего благодаря правовому порядку. Именно право, но право в его высоком понимании («высокое право»), обеспечивает не просто экономическое процветание, но и социальную государственность. В общем, демократия, и только в этом ее ценность, ассоциируется с верховенством права, или с правовым государством.

Именно государства с высокой степенью демократии обеспечивают высокий уровень правовых институтов и их

---

¹ См.: Даль Р. Смещающиеся границы демократических правлений [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/dal/sm_gran.php (дата обращения: 10.10.2013).

эффективность. Показательно, что, если сравнить 25 государств, занимающих первые строки в Индексе Economist Intelligence Unit, с 25 верхними строками Индекса международной неправительственной организации World justice project¹, по которому измеряется степень реализации принципа верховенства права², можно увидеть, что 19 стран, относящихся к «полным демократиям», являются передовыми и в правовом отношении.

Показательно, что современные авторитарные правители формально не отказываются от некоторых институтов демократии, но уничтожают главный объект ее предназначения.

Знает ли наука история сослагательное наклонение («что было бы, если бы...»)? Если да, то как отграничить историческое исследование от мечты, фантазии, пророчества Сивиллы? Если нет, то к чему она?

Сослагательное наклонение в исторических исследованиях необходимо, ибо, во-первых, так лучше познается суть настоящего; во-вторых, можно более осмысленно планировать действия для создания лучшего будущего; в-третьих, снимается вопрос о «биологической предрасположенности» того или иного народа к определенному порядку вещей.

Россия в начале и в конце XX века: революция и диктатура. Что в сухом остатке двух попыток — повторение пройденного или неусвоенные уроки?

Ни то ни другое. У каждого из этих периодов и состояний есть свои причины. Нас завораживает некоторое

---

¹ См.: WJP Rule of Law Index 2016. URL: https://worldjusticeproject.org/sites/default/files/documents/RoLI_Final-Digital_0.pdf (дата обращения: 17.06.2017).

² Оценка проводилась по восьми критериям: 1) ограничение государственной власти; 2) порядок и безопасность; 3) регулирование правопорядка; 4) гражданское судопроизводство; 5) отсутствие коррупции; 6) открытость правительства; 7) уголовное судопроизводство; 8) фундаментальные права.

сходство «результатов», и мы начинаем искать общие для них причины. Причины же разные.

Поучителен ли опыт перестройки 1980–90-х годов? Если да, то в чем?

Он поучителен для «обеих сторон». Для властей — тем (об этом говорилось в нашей публицистике), что, глядя на Перестройку (предпочитаю писать это слово с прописной буквы, так как это самостоятельный и значимый феномен), они уверены: стоит отпустить вожжи, и режим начнет рушиться. Для тех же, кто хочет перемен, опыт Перестройки состоит в том, что первые победы и даже окончательная победа не должны вводить в эйфорию и благостность.

Существует ли возможность демократических перемен в России в обозримом будущем? Устойчив ли установленный режим?

Не знаю. Социальная жизнь не физика или химия. Здесь есть, конечно, общие закономерности, но привходящие факторы очень часто не позволяют закономерностям срабатывать. А какими будут эти факторы, знает только Бог.

Экономические и политические реформы. Перспективы «властесобственности». Актуальны ли сейчас изменения Конституции-93? Если да, то с чего и как начинать?

Эти изменения актуальны будут до тех пор, пока не исправлено распределение властных прерогатив между основными институтами власти. Но какой смысл говорить об актуальности, если властям наступление баланса невыгодно.

А начинать, если когда-нибудь придется, нужно с главного: обставить красными флажками тот институт, который по природе своей несет в себе семена авторитаризма. Нужна модель не президента-правителя, а президента-хранителя.

Что делать в сложившихся условиях демократической интеллигенции?

Во-первых, не кривить презрительно губ в отношении тех, кто не разделяет идеалов интеллигенции.

Во-вторых, стать моральным авторитетом для общества. Задавать паттерны благородства и жертвенности. Понимаю, что это самое трудное и вряд ли исполнимое, но иначе интеллигенция не станет подлинной элитой, за которой можно будет пойти обывателю.

А вообще, вопрос поставлен не очень корректно, ибо «демократическая интеллигенция» — это не организация и тем более не партия. Здесь люди в большей степени сами по себе. Поэтому такой вопрос может (должен) задать себе и ответить на него каждый человек самостоятельно.

МИХАИЛ КРАСНОВ
КОНСТИТУЦИЯ – ЖЕРТВА
КОНСТИТУЦИИ?

О ценностях и декларациях

Думаю, многие люди с либеральным направлением мыслей задают себе вопрос: *почему ценности, провозглашенные российской Конституцией, остались формальными декларациями?* За этим несколько академично сформулированным вопросом стоят едва ли не все жгучие вопросы современной России. Почему процветает чиновничий и полицейский произвол? Почему при провозглашенном плюрализме жестко ограничиваются свободы мысли, слова, печати, в том числе под предлогом борьбы с экстремизмом, а люди с критическим складом мышления считаются врагами государства? Почему почти все медиапространство контролируется властью? Почему не работает в конституционном режиме практически ни один публично-властный институт? Почему нет политической конкуренции и власть по большому счету остается несменяемой? Почему не работает принцип разделения властей и все мало-мальски крупные государственные решения принимаются лишь с одобрения президента? Почему так трудно заниматься предпринимательством? Почему «друзьями» России оказались главным образом авторитарные режимы? О том, почему в стране царит гнетущая морально-политическая атмосфера, говоря словами Е.Н. Трубецкого — «атмосфера ноющей бессмыслицы»¹, я уже не спрашиваю.

---

¹ Стоит привести полную цитату из этого прекрасного мыслителя: «В болезнях и муках совершался процесс нашего духовного рождения, и наблюдательно со стороны нелегко было решить вопрос, что это такое: болезнь роста или недуг смертельный, процесс разложения общественного организма. До 1903 года над Россией носилась *атмосфера ноющей бессмыслицы* (курсив в оригинале. — М. К.), та самая, которая нашла себе

Это, разумеется, не все «почему». К тому же некоторые из них частично отвечают на другие «почему»... Но я не собирался представлять исчерпывающий и логически выверенный перечень всего того, что не соответствует конституционному духу. Сейчас более важен другой вопрос: *почему все это стало возможно после, казалось бы, очистительной бури, пронесшейся над Россией?*

Однозначного ответа дать невозможно. Социальные процессы всегда имеют множество причин. И, надо сказать, никто никогда точно и исчерпывающе назвать их не в состоянии. В социальных науках вообще плоховато с пониманием причинно-следственных связей. Не от недостатка интеллекта исследователей, а от невероятной сложности, запутанности факторов, влияющих на последующее развитие. Может быть, поэтому людям свойственно считать, что история не повторяется; что поскольку в разные периоды ее творят разные люди, постольку и получается разный результат; что нельзя сравнивать условия прошлого и настоящего и т.д. и т.п. Во многом это так. Тем не менее если мы не станем размышлять над причинами того, почему наше положение именно такое, а не иное, то не сможем более-менее адекватно воспринимать настоящее и намечать контуры будущего. Да и вообще общество тогда уподобится большому амнезией, то есть утратит свое «Я», свою идентичность.

Важно, однако, сначала установить, произошел ли *срыв «проекта»* (модернизационный срыв) или мы имеем дело с *нормой*, а существующим положением вещей недовольна лишь кучка интеллигентов-нытиков? Что ж, для кого-то (возможно, даже для большинства) нынешняя российская

бесподобно яркое изображение в произведениях Чехова. Общественность отсутствовала, и сонная Россия, казалось, потеряла свое духовное я, утратила смысл своего существования; а острое чувство тоски, развивавшейся среди этого общественного безмыслия и бездействия, заглушалось двумя могущественными суррогатами жизни и смысла — водкой и картами. Нас разбудил удар грома на Дальнем Востоке — несчастная война, перешедшая в кровавую смуту» (Трубецкой Е.Н. Отечественная война и ее духовный смысл // Трубецкой Е.Н. Смысл жизни / сост. А.П. Полякова, П.П. Апрышко. М. : Республика, 1994. С. 383).

реальность — нормальное положение вещей. Но в данном случае неважно общественное мнение. Вполне можно ограничиться эталоном нормы: принципами, которые провозглашены в главе 1 Конституции РФ («Основы конституционного строя») и в главе 2 («Права и свободы человека и гражданина»). Если сравнить с ними реальность, мы отчетливо увидим страшный разрыв. Но как назвать это состояние?

Э.А. Паин говорит об *«имперском синдроме»*¹. Он включает в это понятие три элемента (проекции): «имперский порядок» («политический режим империи»), «имперское тело» («многочисленные ареалы компактного расселения ранее колонизированных этнических сообществ, обладающих собственными традиционными культурами») и «имперское сознание» (последнее, правда, я бы назвал скорее «тоской по величию»)².

Каковы же причины нынешнего состояния? Попытаюсь предложить свое видение самых важных, ключевых из них.

О предопределенности

Довольно популярное объяснение имперской реставрации сводится к существованию *предопределенности*. Правда, в научной литературе этот термин не употребляют, а говорят о «матрице», «колее»³, культурном коде и проч.⁴ Но это не

¹ Паин Э.А. Исторический «бег по кругу»: (Попытка объяснения причин циклических срывов модернизационных процессов в России) // Общественные науки и современность. 2008. № 4; Паин Э.А., Федонин С.Ю. Нация и демократия: Перспективы управления культурным разнообразием. М.: Мысль, 2017.

² См.: Паин Э.А. Указ. соч. С. 13; Паин Э.А., Федонин С.Ю. Указ. соч. С. 195, 222.

³ А.А. Аузан так предлагает переводить известный эффект path dependence (см.: Аузан А.А. «Колея» российской модернизации // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 54). Однако слово «колея» несет в себе скорее интенцию как раз предопределенности, нежели зависимости от предшествующей траектории.

⁴ См., напр.: Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания: Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб., 1994;

меняет сути основного посыла: есть нечто фундаментальное, что с неизбежностью возвращает развитие России на прежнюю траекторию.

Тут самое время напомнить о названии статьи. Напомним, что слово «конституция» имеет два значения. Первое — *установление* — адресует к некоему *волевому акту* по поводу каких-то фундаментальных правил. Понятно, что речь идет о неких юридических актах, устанавливающих, как говорил М.М. Сперанский, «коренные законы»¹ (начиная с XVII века в американских колониях Британии стали появляться конституции, похожие на современные, но первой конституцией современного типа считается Конституция США 1787 г.).

Другое значение слова «конституция» — *устройство*, *устройство* — подразумевает тоже нечто фундаментальное, но существующее *помимо человеческой воли*. В этом значении это слово употребляется, например, в биологической науке, когда нужно обобщенно сказать об основных морфологических и функциональных особенностях организма животных и человека, сложившихся на основе наследственных и приобретенных свойств.

Любое общество имеет конституцию в «биологическом» смысле. Ее составляют характер отношений между людьми, доминирующее мировоззрение, традиции, массовые привычки, стереотипы и проч. и проч. И если такая «биологическая» конституция включает в себя укорененное и повсеместное неуважение к личной автономии, отсутствие у людей всяких навыков самоорганизации, привычку покоряться

Кирдина С.Г. Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация // Вопросы экономики. 2004. № 10; Яковенко И.Г. Манихейская компонента русской культуры: истоки и обусловленность // Общественные науки и современность. 2007. № 3; Аузан А.А. Указ. соч.; Олейник А.Н. Преемственность и изменчивость преобладающей модели власти: «эффект колеи» в российской истории // Общественные науки и современность. 2011. № 1.

¹ Сперанский М.М. О коренных законах государства // Сперанский М.М. Юридические произведения / под ред. и с биогр. очерком В.А. Томсинова. М. : Зерцало, 2008. С. 274.

властным велениям только под страхом сурового наказания, отсутствие чувства ответственности, понимание большинством власти только как строгой иерархии, возглавляемой одним лицом, и т.п., либеральная юридическая конституция в таком государстве будет рано или поздно либо официально отвергнута либо сохранится только как имитация.

Разумеется, подобный исход конфликта вовсе не неизбежен. Возможно, что закрепленные в юридическом акте (актах¹) новые для данного общества принципы и ценности постепенно будут приниматься массовым человеком, если есть факторы, благоприятствующие такому процессу, — высокое качество властной элиты, конфигурация властных институтов, предполагающая политическую конкуренцию, и т.д. Так, может, именно «биологическая» конституция России не позволяет действовать Конституции РФ? Отвечаю: нет!

Во-первых, наша конституция в «биологическом» понимании отнюдь не такова, чтобы можно было говорить о сколь-нибудь существенном разрыве с принципами и ценностями действующей Конституции РФ. Да, конституционные принципы во многом непривычны для нашего общества. Но отнюдь не чужды массовому сознанию. Это подтверждают все социологические исследования. А во-вторых, несовершенным оказался сам инструмент, позволяющий воздействовать на «биологическую» конституцию, — юридическая Конституция России. И вновь: почему?

Может быть, действовала социокультурная и институциональная *инерция*? Да, она присутствует везде, всегда, во всех социальных процессах. Даже большевики, желавшие максимально расчистить «место» для «строительства нового общества» и для этого сломавшие множество существовавших в России институтов, и те не смогли избежать силы инерции. Но *нельзя и преувеличивать значимость этого фактора*. Если

---

¹ Напомню, что конституция может представлять собой как один акт, так и несколько.

бы сила инерции была *так* велика, человечество до сих пор оставалось бы в первобытном состоянии.

А может, сработал эффект path dependence? Его суть, напомним, в том, что «важное влияние на возможный результат могут оказать *отдаленные* события прошлого, причем скорее *случайные события, чем систематические закономерности* (здесь и далее курсив в цитатах мой. — М. К.)»¹.

Для объяснения технических и технологических стандартов это представляется вполне естественным. Неслучайно П. Дэвид, первым сформулировавший этот эффект (1985 г.), назвал его QWERTY, поскольку изучал, почему на клавиатуре пишущих устройств закрепилось именно данное расположение букв². Затем эффект зависимости от предшествующей траектории (path dependence) стали включать в объяснения явлений экономической и даже социальной истории. Согласно концепции path dependence, образуется веер различных альтернатив и «при бифуркации *судьбоносными* могут оказаться даже совсем *мелкие субъективные обстоятельства* — по принципу “бабочки Брэдли”»³. Но то и оно, что концепция path dependence вряд ли применима при анализе социальной истории: она являет собой слишком «грубый» и в то же время слишком поверхностный инструмент.

Однако я бы не отмахивался от нее при объяснении дизайна некоторых конституционных институтов. Конституционная конструкция системы власти в России во многом обусловлена именно «субъективными обстоятельствами», хотя далеко не все из них «мелкие». Поэтому я бы хотел немного поспорить С.И. Каспэ, который пишет,

---

¹ Нуреев Р.М. Институциональная среда российского бизнеса — эффект коали [Электронный ресурс] // Сайт «Нуреев Рустем Махмутович». URL: <http://rustem-nureev.ru/wp-content/uploads/2011/05/388.pdf> (дата обращения: 30.03.2016).

² См.: Там же.

³ Там же. См. также: Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Экономическая история России (опыт институционального анализа) : учебное пособие. 2-е изд., перераб. М. : КНОРУС, 2017. С. 18.

что «необходимо решительно отстраниться от двух самых распространенных способов объяснения политического неблагополучия России, по видимости противоположных, но в сущности сходных. Один способ отсылает к “культурным кодам” и “цивилизационным циклам” (мало отличающимся от “духовных скреп”), к некоей “русской традиции” и “русской системе”, самодовлеющей, самодвижущейся и самовоспроизводящейся. <...> Другой способ состоит в поиске фатальных исторических ошибок — единичных действий, совершенных (или не совершенных) в тот или иной момент времени. <...> На самом деле *оба дискурса построены на отрицании свободы воли*. Первый отрицает ее явно. Второй — чуть более прикровенно, но тоже отрицает, поскольку постулирует непреложную зависимость жизней и судеб миллионов человеческих существ от уникального акта, совершенного одним из них (да хоть десятком из них), причем на годы и годы вперед, до следующего такого акта. В интервалах же между ними *места для свободы воли нет, а есть лишь “зависимость от колеи”, path dependence*, да еще и трактуемая самым грубым, примитивным образом»¹.

Повторю: конечно же эффектом path dependence нельзя объяснить модернизационные срывы. Но им хорошо объясняются особенности институционального дизайна. А уже в свою очередь эти особенности влияют на последующее развитие событий — где-то сильнее, где-то слабее. У нас влияние конституционной конструкции власти довольно серьезный негативный фактор. Серьезный потому, что мы не имеем ни качественной политической элиты, ни политически просвещенного народа; наше общество знавало и знает демократические институты, но практически никогда не жило при демократии.

В то же время даже когда мы обоснованно применяем концепцию path dependence, не следует абсолютизировать ее. «Субъективные обстоятельства», которые в этой концепции являются центральным пунктом, часто вовсе не

---

¹ Каспэ С. Политическая форма и политическое зло. М. : Школа гражданского просвещения, 2016. С. 94–95.

являются случайными. Их возникновение обусловлено логикой, определяемой самой ситуацией. А ситуация, в свою очередь, часто формируется вполне осмысленными решениями и действиями.

Ошибочные, неправильные решения и действия (буду называть их просто *ошибками*) и являются, на мой взгляд, *главной причиной случившейся модернизационной неудачи*. Сами ошибки обуславливались разными причинами — и недостаточным пониманием исторического момента, и политической неопытностью реформаторов, и отсутствием желания и умения идти на компромиссы, и завышенными личными амбициями. На мой взгляд, есть три фундаментальные ошибки.

Об ошибках

Ошибка первая. В истории современной России есть дата, по своему историческому значению являющаяся более значительной, чем даже день принятия Конституции. Это 21 августа 1991 г. — день поражения ГКЧП, который можно считать днем *Августовской революции*¹. Можно. Но мало кто так считал и тем более считает сегодня. Власти (союзные — понятно, но ведь и российские тоже) всем своим поведением как бы подчеркивали: коммунистический режим пал, но государство остается по большому счету прежним. Даже активные участники августовских событий народные депутаты РСФСР/РФ О.Г. Румянцев, ответственный секретарь Конституционной комиссии Съезда, и В.Л. Шейнис в своих обстоятельных исследованиях, посвященных периоду 1991–1993 гг.², отмечают

¹ Мой друг А.Б. Зубов называет ее Преображенской (государственный переворот был совершен 19 августа — в двенадцатый христианский праздник Преображения Господня). К несчастью, подлинного преобразования России так и не произошло.

² См.: Румянцев О.Г. Конституция Девяносто третьего: История явления: (Документальная поэма в семи частях от Ответственного секретаря Конституционной комиссии 1990–1993 годов). М.: Библиотечка РГ, 2013; Шейнис В.Л. Власть и закон: Политика и конституции в России в XX–XXI веках. М.: Мысль, 2014.

Август как важный момент новейшей российской истории, но не говорят о его революционном значении.

Показательно, что и официально это событие у нас никак не отмечено. Есть лишь две косвенные привязки к нему. Во-первых, через год после августовских событий — 2 июля 1992 г. появился Закон РФ «Об учреждении медали «Защитнику свободной России»¹. И во-вторых, в 1994 г. (лишь через три года после Августовской революции) Указом Президента РФ был установлен «День Государственного флага Российской Федерации»², но в самом его тексте ничего не говорится о том, почему именно на 22 августа назначен этот праздник. Причем День Государственного флага вообще не вошел в законодательный перечень памятных дат³.

Особенно контрастно отказ признать Август 91-го демократической революцией смотрится на фоне чрезвычайной легкости и распространенности употребления слова «революция» в 2000-е годы, правда с прилагательными «оранжевая», «цветная» и проч. И это при том, что события, происходившие в некоторых арабских странах и в ряде государств на постсоветском пространстве, вовсе не были революциями. Это были вооруженные восстания против правителей, фактически узурпировавших (или пытавшихся узурпировать) власть.

Итак, восторжествовала *эволюционная* логика (показательно, что главным словом девяностых было «реформы»). Это можно было бы только приветствовать, если бы такая логика соответствовала доавгустовскому развитию событий. Но после Августа она вошла в противоречие с совершенно иной политической, экономической и социальной ситуацией. А эта ситуация требовала принципиально иных политических и юридических решений.

¹ Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1865.

² Указ Президента РФ от 20 августа 1994 г. № 1714 «О дне Государственного флага Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 17. Ст. 1956.

³ См.: Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» // СЗ РФ. 1995. № 11. Ст. 943 (до 2005 г. — Федеральный закон «О днях воинской славы (победных днях) России»).

Прежде всего, необходимо было *провести переучреждение российского государства*. Юридически это, наверно, трудно было сделать, пока Россия существовала в рамках СССР. Хотя и в этот период вполне можно было бы как минимум провести новые выборы как президента, так и законодательного органа. Но, без сомнения, акт переучреждения следовало провести после подписания 8 декабря 1991 г. Беловежских соглашений, юридически оформивших распад СССР. Переучреждение предполагало, что и законодательный орган, и президент сложат с себя полномочия, передав их (по сценарию Февраля 1917-го) в руки временного органа управления, который одновременно готовил бы выборы в учредительное собрание (неважно с каким названием), которое должно было бы принять новую конституцию страны.

Одновременно требовалось решить весьма сложный с правовой точки зрения, но крайне необходимый *вопрос о правопреемстве*¹, что, в свою очередь, вызвало бы необходимость вынесения правовой оценки советскому периоду в целом и порожденным этим строем соответствующим институтам. Гораздо проще казалось (и оказалось) объявить о международной правосубъектности России как наследницы СССР². Такое правопреемство помогло сохранить заграничную собственность, но стало троянским конем советского духа, ныне распространившегося под лозунгом «Советский период — просто один из этапов развития российской государственности». Ярким выражением этой

¹ См. подробнее, напр.: Преемственность и возрождение России: Сборник статей. М.: Посев, 2001.

² См., напр. (в хронологическом порядке): Письмо МИД РФ от 13 января 1992 г. № 11/УП [доступ из СПС «КонсультантПлюс»]; Основы законодательства Российской Федерации о культуре от 9 октября 1992 г. № 3612-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 46. Ст. 2615; Постановление Правительства РФ от 17 мая 1993 г. № 459 «О подписании с государствами — республиками бывшего СССР соглашений об урегулировании вопросов правопреемства в отношении внешнего государственного долга и активов бывшего СССР» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 21. Ст. 1962; Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах» (ст. 1) // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

идеологема стала преамбула Федерального закона от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», где сказано: «Российская Федерация — есть правопреемник и правопродолжатель Российского государства, Российской республики, Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) и Союза Советских Социалистических Республик (СССР)»¹. Хотя советская государственность официально как раз не была продолжателем российской.

В мою задачу не входит анализ причин, почему Август не был признан и не был объявлен революцией. Но две из них назвать стоит.

Во-первых, переучреждение государства, как уже сказано, требовало досрочного прекращения полномочий всех органов власти — как федеральных, так и региональных, поскольку они были сформированы в совершенно иных политических условиях и вообще при принципиально ином общественном и государственном строе. Однако расставаться с недавно обретенным статусом мало кому хотелось. Любопытно, как О.Г. Румянцев «снимает противоречие» между осознаваемой им необходимостью принятия новой Конституции и нежеланием досрочно прекращать полномочия. По его мнению, «принятие новой Конституции РФ, предусматривающей новую структуру законодательной власти, должно было *предотвратить роспуск Съезда и Верховного Совета России*, предлагавшийся некоторыми *горячими головами*»². История показала, однако, что как раз эти «горячие головы» и были наиболее трезвомыслящими людьми, понимавшими суть момента.

И во-вторых, Б.Н. Ельцин, судя по всему, ощущал, что для решительного разрыва с советскими институтами ему, как ни странно, не на кого опереться. «Лагерь демократов» был весьма аморфным, поскольку состоял из очень

¹ СЗ РФ. 1999. № 22. Ст. 2670.

² Румянцев О.Г. Указ. соч. С. 77–78.

разных по своему мировоззрению групп. Наряду с либералами (хотя во многом тоже пропитанными советскими стереотипами) в него входила и часть коммунистов, националистов и даже имперцев. Сам же государственный аппарат, особенно его «силовая» часть, оставался еще практически советским (в широком смысле этого понятия). Здесь можно согласиться с тезисом В.Л. Шейниса, что «после Августа его (Ельцина. — М. К.) зависимость (и зависимость той части номенклатуры, которая ринулась под знамена победителя) от поддержки демократов существенно ослабла». В том числе из-за того, что «“новая бюрократия”, вобравшая в себя и часть демократического актива, оказавшаяся *падкой на блага и символы власти*, утратив реальный противовес в лице тт. крючковых, шейных и К° (члены ГКЧП. — М. К.), стала значительно свободней в своих действиях»¹. Кстати, *фактор соблазна* «благами и символами власти», особенно проявляющий себя в период революционных перемен, вообще слабо изучен, хотя является очень существенным.

Ошибка вторая. Она является очевидным следствием первой. Нежелание (или страх?) политических лидеров начала девяностых преобразовывать советскую государственность в революционной логике (что вовсе не обязательно требует насилия, но требует радикальных перемен в системе и персональном составе власти, усилий по формированию новой идентичности) привело не к принятию новой Конституции, а к созданию на основе советской Конституции РСФСР 1978 г. совершенно немыслимой властной конструкции, которую, кстати говоря, нельзя было отнести ни к одной из существующих форм правления (моделей власти)². Она представляла собой *жуткую смесь из остатков*

¹ Шейнис В.Л. Указ. соч. С. 485.

² Эту систему я постарался описать в работе: Краснов М.А. Создание Конституции России как особый случай эффекта «path dependence» // Труды по руссиеведению : Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр руссиеведения ; гл. ред. Глебова И.И. Вып. 6. М., 2016. С. 85–128. Настоящая статья основана именно на этой моей работе.

советского типа с элементами одновременно и президентской и полупрезидентской форм правления.

В свою очередь, межумочная конституционная конструкция стала одним из решающих факторов созревания конфликта президента Ельцина и депутатского корпуса.

Можно сказать, что этот конфликт — тот случай, когда *свойства личности* способны фундаментально повлиять на функционирование институтов. Но можно посмотреть на дело и иначе: если правовое регулирование в сфере организации публичной власти не учитывает реальность, оно будет провоцировать перерастание конституционных конфликтов в силовые. Ведь право наиболее хрупко и наименее защищено как раз в сфере властеотношений, ибо, когда правовое регулирование переходит *границы, которые властный институт считает для себя максимально приемлемыми*, этот институт отказывается от понимания своей власти как *authority* и прибегает к власти как *power*, в том числе пренебрегая формальными ограничениями. Иными словами, «максимальная приемлемость» означает готовность соблюдать ограничения только до того момента, пока юридические нормы сами не переходят границы права — справедливости, разумности и соответствия реальности.

Понимаю, что это опасный концепт. Но он способен объяснить мотивы действий Б.Н. Ельцина. Ради выполнения своего долга и своей миссии он готов был терпеть личные оскорбления от представителей законодательного органа. Однако когда стало очевидно, что существующий *дисбаланс властных прерогатив*, которым законодательный орган все активнее пользуется, *не позволяет осуществить обещания, данные народу на президентских выборах*, что под прикрытием юридических норм творится *не право*, о чем президент прямо заявлял¹, — только тогда он прибег

---

¹ См.: Послание Президента Российской Федерации Верховному Совету Российской Федерации «О конституционности» // Известия. 1993. 25 марта. Подготовил этот текст Ю.М. Батурин (см.: Батурин Ю.М. Конституционные эподы. М.: Институт права и публичной политики, 2008. С. 9–12).

к силовым ресурсам для слома угрожавшей стране ситуации. Конституционный судья Э.М. Аметистов в своем Особом мнении к Заключению КС РФ от 21 сентября 1993 г. совершенно верно заметил, что положения Указа Президента РФ № 1400 «*необходимо рассматривать в неразрывной связи, во-первых, с причинами издания Указа и его целями, изложенными в преамбуле, во-вторых, с правами и обязанностями Президента, установленными Конституцией, и, в-третьих, с определенными особенностями Конституции Российской Федерации, касающимися исполнения Президентом его прав и обязанностей*»¹.

Конфликт между президентом и Съездом был отнюдь не предопределен. Но он породил новую точку бифуркации (и вот здесь как раз особенно сказался эффект *path dependence*), откуда берут начало пороки Конституции, которые не говорю что предрешили, но во многом способствовали формированию режима личной власти (другое дело, что в период президентства Б.Н. Ельцина такой характер политического режима был почти незаметен, поскольку объективно влияние президента оказалось далеко не таким, как сегодня). В свою очередь, пороки нынешней Конституции России (точнее, пороки предусмотренной ею властной конструкции) обусловлены тем, что *ее текст готовился практически в безоппонентном режиме*.

В проекте Конституционного совещания, выработанном в июле 1993 г. (а именно он стал основой действующей Конституции), было покончено с рудиментами советской идеологии и советской властной конструкции. Однако сила конфликта, в разгар которого рождался этот проект, взаимное неприятие акторов, представлявших институты президента и законодательной власти, оказались столь велики, что неудивительно желание «победившей стороны» нормативно отвести место парламенту как политическому пигмею, что и составляет основной фактор персоналистского режима.

---

¹ Вестник Конституционного Суда РФ. 1994. № 6.

Стоит, однако, отметить, что даже после издания Указа № 1400 события *могли развиваться по иному сценарию*, в рамках которого была возможна более взвешенная конструкция будущей власти. В Указе предлагалось: «Конституционной комиссии и Конституционному совещанию представить к 12 декабря 1993 года единый согласованный проект Конституции Российской Федерации в соответствии с рекомендациями рабочей группы Конституционной комиссии». Другими словами, президент был готов к объединению двух проектов. Но вооруженный мятеж в Москве и его подавление (3–4 октября 1993 г.) не позволили этому сценарию реализоваться. 15 октября Б.Н. Ельцин издает Указ № 1633 «О проведении всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации»¹, где уже отсутствует поручение представить к 12 декабря согласованный проект и предусматривается, что в этот день пройдет референдум, на который будет вынесен окончательный текст Конституции. Тем не менее по-прежнему демонстрировалась видимость демократизма: «Для доработки проекта Конституции, одобренного еще 12 июля, была образована Государственная палата Конституционного совещания, состоявшая из представителей президента, правительства, субъектов Российской Федерации, Конституционного Суда, Верховного Суда, Высшего арбитражного Суда, Генеральной прокуратуры. Вместе с созданной еще 24 сентября Общественной палатой Конституционного совещания Государственная палата должна была в сжатые сроки (президент поставил задачу опубликовать проект Конституции 10 ноября) завершить подготовку документа»². Но это была именно видимость.

Только в рамках некоей идеальной модели можно вообразить, что рабочая группа по доработке конституционного проекта станет руководствоваться исключительно стремлением обеспечить эффективную систему сдержек

¹ См.: Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 42. Ст. 3995.

² Эпоха Ельцина : Очерки политической истории. М. : Вагриус, 2001. С. 370.

и противовесов. В реальной жизни ожидать такого поведения от людей, многие из которых заинтересованы в создании определенной конструкции власти (а именно от них и зависело окончательное решение), бессмысленно. Ни состав участников, ни царившая атмосфера, ни даже само место, где шла доработка (здание президентской администрации), не позволяли говорить о том, что Конституция готовится в режиме компромисса. К тому же в то время в аппарате президента господствовала мысль: нужна система власти, которая бы позволила без помех проводить реформы. Сегодня думаешь: неужели люди не могли просчитать хотя бы на шаг вперед? У меня нет ответа на этот вопрос. Правда, возражения все же звучали, но эти мнения отменялись, если не вписывались в общую идею президента, доминирующего над всеми другими институтами власти.

Так что нынешняя структура публичной власти обязана своим появлением не действию какой-то «матрицы», национального архетипа, политической традиции, а тому, что экономисты называют *рациональным поведением*. Те, кто отвечал за окончательную подготовку конституционного проекта, видели свою задачу в существенном ослаблении прерогатив представительного органа, воспринимавшегося как помеха на пути реформ. Будучи избавлены от видимого сопротивления, они действовали в полном соответствии с условиями, в которых оказались.

Ошибка третья. Она вызвана непониманием (забвением) того, что выстраивать новую государственность приходится, во-первых, в гигантской по территории стране; во-вторых, стране, части (регионы) которой обладают огромнейшим разнообразием; наконец, в-третьих, в стране, долгое время позиционировавшей себя как великая держава и бывшей, по существу, империей. Проще говоря, реформаторы действовали так, будто речь идет об обычном европейском (среднем по размеру) государстве с более-менее однородным (социально, религиозно, этнически) населением. Между тем пространственные параметры и культурная (этнокультурная) гетерогенность России не позволяют глубоко реформировать

общественные отношения в такой же парадигме, в какой это возможно в небольших или средних по размеру и численности населения государствах, где новации способны распространяться равномерно и с высокой скоростью. Если крупными мазками описать картину реформ, то было кипение жизни в Москве и сонная архаика в большинстве регионов. С.И. Каспэ верно подметил: «На периферии империи, особенно на дальней, может, и наблюдается какое-то “растекание и разжижение” политического; но в центре, наоборот, происходит “каление” невиданной силы»¹.

Как отмечает Н.М. Плискевич, инициаторы авторитарных модернизаций не только используют мобилизационные методы, но и поддерживают их «устоявшимися традиционалистскими кодами»². Парадокс, однако, состоит в том, что и либеральные модернизации у нас опираются на «традиционалистские коды» — введение новых правил рассчитано главным образом на *усилия власти, причем власти центральной*.

Мне скажут: легко теоретизировать, а реальность была такова, что России грозил территориальный распад, по крайней мере такая угроза исходила от нескольких региональных элит. Но тогда тем более следовало смотреть на федерализацию (переход от формальной федерации к реальной) не как на вынужденную уступку, а как на благо.

Вообще, основной идеей строительства новой России следовало сделать «строительство снизу», начиная с населенных пунктов (местного самоуправления). Соответственно, нужно было как минимум не пытаться унифицировать систему власти в регионах и, главное, коль скоро это не получилось на федеральном уровне, не допускать персоналистских режимов в субъектах Федерации и развивать именно там навыки политической конкуренции. С этой

---

¹ Каспэ С. Указ. соч. С.29.

² Плискевич Н.М. Модернизация в России и Китае: стартовые условия и специфика государства // *Общественные науки и современность*. 2014. № 6. С. 95.

целью наиболее целесообразно было бы поощрять переход регионов на парламентскую модель организации власти.

Строительство государственности «снизу», естественно, должно было сделать центральным пунктом государственной заботы создание условий для реального местного самоуправления. Все это предполагало совсем иную бюджетную и налоговую политику, иное распределение предметов ведения и полномочий, да и экономические реформы пришлось бы проводить в ином режиме. Такая парадигма государственного и экономического строительства привела бы к созданию довольно существенного препятствия для реставрации «имперского синдрома», для преодоления «тоски по величию».